

След в ущелье Тимбэл

Автор:

[Макс Брэнд](#)

След в ущелье Тимбэл

Макс Брэнд

«За тридцать с лишним лет своей жизни он вырос и закалился на многих работах, однако в его руки так и не попадало золото, если не считать скопившихся нескольких тысяч долларов, которые позволяли ему чувствовать себя свободно при игре в покер с любыми ставками. И хотя Уолтер так и не выиграл много денег, с картами в руках он всегда ощущал электрическую искру в мозгах. Вот как и теперь, когда увидел эту маленькую тайну на веранде "Паласа"...»

Макс Брэнд

След в ущелье Тимбэл

Глава 1

Сигнал смерти

По всей длине задней веранды игорного дома «Палас» во тьме светились огоньки от трубок и вспыхивали святающиеся точки сигарок.

Уолтер Дэвон с удовольствием смотрел на эти дрожащие огоньки. Обитатели здешних пустынных мест привыкли наслаждаться курением в темноте, как

охотники и трапперы, чей отдых приходит лишь с наступлением ночи, или ковбои, согревающие таким образом в зимнюю пору свои носы.

Конечно, он знал, что в городке Уэст-Лондон нет никакой охоты, если не считать охоту за золотом, и никто никого не выслеживает, кроме зеленых новичков и вообще дураков, у которых то и дело безнаказанно крали лошадей. Тем не менее это были люди пустыни, люди гор.

Там, внутри, собрались люди другого сорта – они толпились вокруг игорных столов или стояли вдоль бара, временами пол террасы дрожал от их криков. Но на самой террасе это никак не влияло на тон спокойных, сдержанных разговоров, которые велись тихо, вполголоса, будто собеседники поверяли друг другу какие-то секреты.

То и дело один из курильщиков бросал сигарку и входил внутрь, и когда открывалась дверь, становился слышен монотонный голос крупье.

Уолтер Дэвон послушал его, потом с удовлетворением вздохнул, ощущая запах самых разных Табаков и чистой свежести сосен. Он не спешил приступить к работе на зеленом сукне игорного стола, так как не решил, какую игру ему выбрать на эту ночь, хотел дать рукам отдохнуть.

Уолтер праздно и даже с некоторым удовольствием наблюдал за вспышками сигарок, позволявшими ему видеть то чьи-то усы, то носы – молодые или истонченные и искривленные временем, и думал, о чем ему может рассказать пара глаз, когда свет от огонька выхватывает их из ночи.

Огоньки перемещались: трубки передвигались медленно, а сигарки быстро дергались вверх-вниз, когда курильщики жестикулировали. И вдруг, совершенно случайно обратив внимание на дальний конец веранды, Дэвон увидел, – или ему показалось, что увидел – будто кто-то подает горячей сигаркой сигнал: сочетание из точек и тире сложилось в вопросительный знак!

Уолтер усмехнулся такому совпадению, в результате которого невольно получился какой-то смысл, но продолжал сонно смотреть на дальнего курильщика, пока вдруг совершенно отчетливо не увидел, что светящийся кончик сигарки изобразил азбукой Морзе слово «четыре»!

Один раз это могло получиться случайно, но во второй раз – нет. Дэвон понял, что тот курильщик сигналил через всю длину веранды какому-то другому человеку. И показалось странным, что общаться ему необходимо таким образом, когда за десять шагов можно пересечь всю веранду!

Дэвон встал со стула и, подойдя к перилам, глянул на крутые склоны ущелья, покрытые зубчатыми тенями сосен. На дне ущелья в серебряном зеркале воды отражались звезды. Прямо напротив «Паласа» величественно вздымалась к небу гора Тимбэл.

– Вроде бы смотришь с площадки обозрения, правда? – сказал человек, остановившийся рядом.

Уолтер согласился, что да, это так, и при этом чуть повернулся к говорящему. В такой позиции ему не стало видно курильщика, подававшего сигналы. Но тут же в другом конце веранды он заметил тусклый свет от трубки, который, мигая точками и тире, передавал тот же самый вопросительный знак!

У Дэвона сжалось сердце. Были времена, когда он говорил себе, что скитается по свету в поисках удачи, какой бы она ни была – война, карты, счастливая женитьба, но в душе всегда знал, что больше всего жаждет возбуждающего чувства приключений.

За тридцать с лишним лет своей жизни он вырос и закалился на многих работах, однако в его руки так и не попадало золото, если не считать скопившихся нескольких тысяч долларов, которые позволяли ему чувствовать себя свободно при игре в покер с любыми ставками. И хотя Уолтер так и не выиграл много денег, с картами в руках он всегда ощущал электрическую искру в мозгах. Вот как и теперь, когда увидел эту маленькую тайну на веранде «Паласа».

Наверное, было не совсем безопасно следить за людьми, обменивающимися сигналами, но, наблюдая за ними, Дэвон не был склонен придавать особое значение их странному молчаливому разговору. Удивительно, что эти люди даже не пытались оставить свои стулья и поговорить друг с другом! Должно быть, за ними неотступно следили, поэтому они и пользовались своим кодом, чтобы наблюдающие не могли ничего понять.

О чем идет речь, кто они такие и у кого под наблюдением? Наверное, это были не очень важные вопросы и они мало касались Уолтера Дэвона, но раскрытие секрета доставило бы ему удовольствие.

Тем временем он сумел придумать, как ему видеть первого и второго сигнальщика одновременно.

Для этого пришлось воспользоваться небольшим карманным зеркальцем, уместив его на ладони. Сигналы Номера Один он теперь наблюдал в маленьком зеркальце, а к Номеру Два был обращен лицом, продолжая разговаривать с мужчиной, стоящим у перил.

– Действительно, как на площадке обозрения, – согласился Уолтер, – только вот горы не смыкаются позади нас.

– Они никогда не сомкнутся, – ответил незнакомец. – Скорее расступятся из-за того, что на склонах старого Тимбэла все время роют, промывают песок и без конца взрывают.

В зеркальце Дэвон прочитал сигнал: «Только в одну сторону!»

Никакого ответного движения горячей трубки не последовало, и тогда он сказал:

– Когда я в последний раз был здесь, все было не так.

– Вы знаете, как здесь было в прежние времена?

– Да.

– Я тоже. Двадцать лет назад я повернул мула и подъехал к горе Тимбэл. У нее тогда еще не было названия. И спустился к реке, тоже безымянной.

– Если уж мы заговорили о названиях, то не знаете, случайно, как этот городок получил его?

– Да вроде слышал одну историю, – произнес мужчина низким, тихим голосом, так, что Дэвон едва мог его расслышать. – Десять лет назад сюда появился старик Лэс Берчард...

– А я был здесь пятнадцать лет назад.

– Ну вот, Берчард прибыл на фургоне, запряженном восьмью мулами. Он направлялся в Фарралоун, а в этой долине решил немного передохнуть. У него с собой была бочка белой отравы. Берчард собирался после приезда в Фарралоун добавить в нее дубильной коры, сока чернослива и назвать это пойло виски. Но тут решил сам его попробовать, проверить, не испортилось ли в пути.

В общем, попробовал, и у него появилось что-то вроде сомнения. Попробовал еще и все-таки не был абсолютно уверен. Словом, не переставал прикладываться, пока его фургон не доехал до этого самого места. А к тому моменту он так надегустировался, что ничего не видел и съехал правым передним колесом с крутого обрыва. Фургон чуть не перевернулся, а колесо разбилось о скалу вдребезги. Тогда Берчард сел и осмотрелся. Конечно, часть поклажи он мог бы навьючить на мулов. Но у него не было вьючных седел. И тут Лэс сказал себе, что если он не может попасть в город, то пусть город сам придет к нему.

Рассказчик замолчал, чуть причмокнув, а в это время Номер Два зажег спичку, чтобы разжечь трубку. Дэвон ясно разглядел молодое, красивое лицо, с выдающейся квадратной челюстью, которой позавидовал бы любой боец. Ему понравилось это лицо, и он постарался запомнить его, разглядев одну черту за другой.

Есть множество способов рассматривать лицо человека: наихудший из них – это видеть его целиком, а наилучший – по деталям, таким, которые не могут изменяться из-за появления шрамов и морщин, или какого-то выражения, или потому что выросла борода. Например, нос меняется очень мало. Еще есть угол между переносицей и лбом, высота и ширина скул, уши... В нужный момент память воспроизводит их с фотографической точностью!

Все это Дэвон умел делать. Наконец он убедился, что теперь сможет узнать этого человека через сколько угодно времени!

Между тем его собеседник продолжал рассказывать тихим голосом:

– И вот Лэс Берчард выгрузил свое добро, построил бревенчатую хижину, убрал туда вещи и стал ждать, когда город придет к нему.

А за горой Тимбэл жил человек, который пригонял на холмы стадо коров. Его звали Дэвон. Лэс продал ему пару своих мулов, вновь вернулся в долину и стал ждать дальше. У него было ружье, а в долине – много живности, так что пару месяцев он спокойно продержался на оленине и на той самой белой отраве.

Но как-то утром, будучи сильно не в себе, увидел, что вся долина затянута густым туманом. Берчард когда-то был моряком, и этот туман напомнил ему гавань на Темзе. В этот же день чуть позже он врыл в землю столб с табличкой, на которой написал, что здесь – Лондон. То есть нашел имя для своего нового города, понимаете?

Но немного погодя ему показалось, что назвать город просто Лондоном недостаточно, потому что люди могут спутать его с тем, старым городом, о котором когда-нибудь слышали. Поэтому на следующий день перед словом «Лондон» подписал «Уэст», так и появился Уэст-Лондон.

Трубка человека Номер Два неожиданно просигналила: «Каким образом?»

И кончик раскуренной до оранжево-красного цвета сигарки, отражающийся в зеркальце, ответил: «Смерть!»

А рассказчик все говорил:

– Лэс Берчард долго не бывал в долине, а этот хитрец, Дэвон, пришел сюда, взял приличный образец руды и сообразил, что что-то нашел. Еще через неделю Лэс проснулся от дальних звуков удара молотком, а десять дней спустя в ущелье уже работало пять тысяч человек. Берчард вскоре сообразил, начал продавать им свое белое пойло по доллару за порцию. Потом продал лес со своего фургона за две тысячи долларов золотом. Мулы потянули по паре сотен фунтов каждый, а кожа с упряжи дала ему почти столько же золота, сколько весила сама. Словом, Лэс сделал достаточно денег, чтобы хватило на отъезд, но конечно же не уехал. А однажды, когда ущелье было полно людей, он, наполненный чем-то лучшим, чем просто солнечный свет, а именно остатками из своей бочки,

спустился в ущелье решил тоже испытать судьбу – покопать золото.

Номер Два, сделавший паузу, будто последнее переданное слово напугало его, теперь откликнулся: «Когда?»

«Этой ночью», – просигналил тот, который курил сигарку.

«Где?»

«У Пэрли, в одиннадцать».

– Старик Лэс Берчард так накачался сивухой, что не понимал, где находится, – все вел свой рассказ мужчина. – Но у него нашлись кирка и лопата – последнее, что осталось от того, что было в его фургоне. Он спустился в долину и увидел место, где был взорван скальный откос, отчего образовалась довольно глубокая воронка. Вокруг несколько человек копали шурфы или пытались сделать это, но все никак не могли отыскать жилу. Старик сказал: «Вот уже есть дыра. Это, пожалуй, сэкономит мне порядочно времени». Затем спустился туда и начал орудовать киркой. Ребята из соседних воронок подошли и стали веселиться, глядя, как он понапрасну тупит кирку о скалу, где не было и признака породы нужного цвета. Смеялись и ждали, пока он не выдохнется, сам не убедится, каким был дураком. Берчард и в самом деле довольно скоро отступился и заявил: «Ну, еще один удар на счастье!» – и отвалил обломок, на изломе которого сверкало чистое жильное золото! Оно ослепило глаза ребятам, а Лэса сделало таким богатым, что он не знал, куда девать деньги.

Тем не менее вскоре Берчард открыл магазин, а потом пришел на то место, где сломал свой фургон, и построил здесь «Палас». Должен сказать, он сумел развернуть игорный бизнес, а еще лучше был ресторан. Где-то разыскал повара-китайца, который просто замечательно разговаривает со своими сковородками.

Дэвон слушал, что-то бормотал в ответ, но сердце его сжималось, потому что меблированные комнаты, где он остановился, назывались «Пэрли».

Час ноль

Больше сигналов не было. Вскоре вся компания начала перемещаться с веранды в игорный зал, и все так перемешались, что Уолтер потерял из виду сигнальщика Номер Один. Заметив, что Номер Два начал играть в фараон, запасясь изрядным количеством фишек, Дэвон тоже поставил несколько монет на рулетку на ближайшем столе.

Он решил, что Номер Два – полукровка, судя по его туманному взгляду и высоким скулам. Да и играл этот человек, как индеец, с блестящей невозмутимостью, независимо от того, сколько проигрывал или выигрывал. Фараон и рулетка были для Дэвона примитивными играми. В них не требуется ничего, кроме везения, любой дурак может рассчитывать на выигрыш.

Сразу же после десяти часов, когда Дэвон почувствовал, что достаточно хорошо рассмотрел этого незнакомца, он направился в пансион миссис Пэрли.

Это был самый большой дом с меблированными комнатами в Уэст-Лондоне. Мистер Пэрли сначала основал его как салун и игорный дом, но колеса рулетки не принесли ему быстрой выгоды. Тогда он сделал в них некоторые домашние усовершенствования, которые позволили быстрее получать деньги. К несчастью, один любознательный ковбой как-то разобрался в этой хитрости и всадил мистеру Пэрли пару пуль в голову.

Некоторое время большой салун стоял без дела, долги мистера Пэрли слегка превышали его доход. Заведение мог приобрести первый же претендент, но тут с Востока прибыла миссис Пэрли.

Она отменила аукцион, самого аукциониста вышвырнула на улицу, закрыла дом, отмыла его снизу доверху, разделила большие комнаты на более мелкие парусиновыми занавесками, повесила гамаки вместо кроватей и незамедлительно открыла пансион для грандиозного бизнеса. Миссис Пэрли нередко сама стояла за стойкой бара и не раз с помощью тяжелой пивной бутылки утихомиривала разошедшихся хулиганов, выбрасывая их за порог.

Вот в этот дом и направился Уолтер Дэвон, обнаружив миссис Пэрли в «библиотеке». Дважды в день эта комната преобразовывалась в столовую, а все

остальное время была открыта для бездельников, но в этот вечер здесь не было ни души, кроме самой хозяйки.

– А у вас тихий дом, миссис Пэрли, – с признательностью заметил Дэвон.

– Да, спокойный, – согласилась она. – Спокойный сверху донизу. Вы не услышите здесь ни нотки музыки, ни звона пивных бутылок, ни криков пьяниц, которые выворачивают свои карманы, набитые золотом. Все мои славные постояльцы – золотоискатели заняты только одним – грохаются на койку и храпят до самого утра. Лучше быть шарманщиком на Третьей авеню, чем королевой в таком тихом заведении, как это.

– Это в знак уважения по отношению к вам, миссис Пэрли, – произнес Уолтер. – Они не...

– Знаки на головах, которые я разбила, – возразила благородная леди. – Только это ничего не значит для тех, кому я еще только собираюсь их разбить. Ну просто не знаю, как так можно! Парни из здешних лесов не умеют тихо высосать свои бутылки и лечь спать без того, чтобы не поорать, словно стая воющих гиен. А я не собираюсь такое терпеть. Эти дешевые типы, как только пропустят хоть глоток виски, напрягают голосовые связки, оповещая об этом весь мир. Не хочу отводить им места для таких песен и танцев. И следующая скотина, которая попробует разинуть пасть, чтобы взять высокое «до», получит от меня сполна. – Она опустила внушительных размеров кулак на длинный стол, и тот задрожал по всей длине.

– Выпейте со мной, – предложил Дэвон.

– Я не прочь, – согласилась миссис Пэрли, – только посмотрю, не спит ли этот бездельник бармен.

– Может быть, он устал?

– Он? Ему нечего делать, как только прибраться на месте, в ожидании когда ребята пойдут на работу.

– Так это же на рассвете? – предположил Дэвон.

– Ну и что из того? Все, что он должен делать, это целый день торчать за своим красивым баром и подавать выпивку. Я сама ему помогаю, когда начинается суতোлка. Это нетрудная работа, я могла бы заправлять баром самолично, но парни чувствуют себя не совсем свободно, когда за стойкой стоит леди. Их это заметно сковывает. Конечно, я не имею в виду таких джентльменов, как вы, мистер Дэвон, вас видеть здесь – одно удовольствие.

Бармен и на самом деле громко храпел. Миссис Пэрли разбудила его сильной оплеухой широкой ладони, и он поставил перед ними пенящиеся бокалы пива.

– У нас не так уж много этого напитка в доме, – пояснила миссис Пэрли, – оно быстро заканчивается. Но пиво всегда будет к вашим услугам, мистер Дэвон. Эй, Билл, смахни паутину с глаз и, будь добр, прими такой вид, будто рад нас видеть! – Потом вновь обратилась к Уолтеру: – А вы не собираетесь поучаствовать в этой игре с копанием золота?

– Я никогда не копал глубже, чем нужно. Предпочитаю считать очки при игре в карты.

– Вот это настоящее дело, – вздохнула миссис Пэрли. – А мой Джим был просто ослом. Когда у него все шло хорошо, захотел еще на скорую руку подправить свою удачу. Мир, огороженный забором, был для него не очень-то хорош, пожелал лучшего, простофиля.

В «библиотеке» скрипнул стул. Посмотрев в дверь, Дэвон увидел симпатичное лицо Номера Два, который усаживался за стол, раскладывая перед собою газету.

– Кто это? – поинтересовался Дэвон.

– Это Гирсон.

– Красивый малый!

– Он? Хоть сейчас на картинку! На Бауери[1 - Бауери – улица в Нью-Йорке, прибежище наркоманов и алкоголиков. (Здесь и далее примеч. перев.)] таких пруд пруди, так и путаются под ногами. Как называются такие белые цветы, которые сразу же желтеют и вянут, лишь только возьмешь их в руки? Он – это

белая камелия, вот кто. А под мышкой у него такая неприятная штука, которая может твякнуть шесть раз. Посмотрите на его длинные пальцы! Он ни разу в жизни не сделал честного хода, скажу я вам. Такие симпатичные ребята, как он, в Манхэттене сбили цену на убийство до пятидесяти долларов за штуку. Теперь там ломовая лошадь стоит столько же, сколько и президент. Пока, мистер Дэвон! Приятно было с вами немного поболтать. Если кто-нибудь побеспокоит вас в моем доме, дайте только знать и я раскатаю его так, что он станет такой же тонкий, как золотой лист. Доброй ночи!

Миссис Пэрли, широко шагая, удалилась. Дэвон нашел другую газету, вышедшую более месяца назад, и, сделав вид, что заинтересовался «новостями», посмотрел на часы. Было без пятнадцати одиннадцать. Если все пойдет по их плану, то мистер Убийца Грирсон приступит к делу в этом доме через четверть часа. Дэвон решил, что не растеряется, когда наступит этот момент.

– Спички есть? – спросил Грирсон.

Дэвон передал коробок через стол. Закурив, Грирсон поблагодарил его. Он явно хотел завязать разговор, поэтому начал:

– А что, они честно играют в фараон там, в «Паласе»?

– Никогда не пробовал, – откликнулся Дэвон.

– Послушайте меня и не пробуйте, – проворчал симпатичный молодой Грирсон. – Они просто не знают меры, сдают такие карты!

– Да?

– Конечно. Я никогда ничего подобного не видел. Тут на днях один крутой малый хотел схватить их за руку и разобраться, в чем дело. Я и сам чуть не поступил так же, но к чему это все?

– Разоблачить нечестную игру? Это хорошее дело, должен заметить.

– Вы так думаете? – зевнул Грирсон. – Не знаю. Какая разница, каким образом они отбирают у парней их деньги. Мои денежки тоже частенько уплывают на этом фараоне, не знаю, как это делается. Что скажете?

В ответ на его болтовню Дэвон едва кивал. До одиннадцати оставалось всего пять минут. Может быть, ему удастся задержать этого убийцу на некоторое время?

В отдалении с нетерпеливой быстротой начали бить часы. Грирсон постепенно умолк. Он не делал никаких попыток встать и с настойчивым любопытством вглядывался в лицо Дэвона.

И вдруг Уолтер понял. По какой-то таинственной причине в убийстве, назначенном на одиннадцать часов, жертвой должен стать он!

Глава 3

Признание

Прозвучал девятый поспешный удар часов, когда Дэвон бросил встревоженный взгляд через плечо – ему показалось, что позади него в открытой двери, за занавеской, промелькнула какая-то тень. Затем, готовый к опасности, снова посмотрел на молодого Грирсона. Ждать долго не пришлось. Плечо этого достойного молодого человека дернулось, его правая рука сделала движение, чтобы выхватить оружие, но Дэвон уже выстрелил.

Выхватывание револьвера было делом, которое его никогда особенно не беспокоило, по той простой причине, что в таких случаях, как этот, он вообще не вытаскивал оружия. Уолтер носил в кармане куртки однозарядный револьвер с коротким стволом, который совершенно не оттопыривал карман или оттопыривал немного, что не о чем было и говорить. Но стрелял револьвер пулей 45-го калибра с достаточной силой, чтобы с близкого расстояния уложить человека на месте, а потому вполне заменял полноразмерный кольт.

Уолтеру пришлось изрядно потренироваться с этим оружием, чтобы действовать с ним аккуратно. Но оно того стоило, ибо оказалось очень эффективным при схватке лицом к лицу. И вот он сунул руку в карман, нажал на спусковой крючок и немного отодвинулся назад, ожидая, что молодой Грирсон сейчас рухнет с дырой в животе.

Но Грирсон не упал. Карман Уолтера Дэвона наполнился горячим дымом, и вдруг он понял, что выстрел был холостым!

Грирсон с проклятием попытался выхватить револьвер, но он запутался. Лицо молодого человека исказилось от досады. Он дернул снова, послышался треск разрываемой ткани, и Дэвон увидел прямо перед собою большой револьвер.

У него было три выхода: броситься к двери, нырнуть под стол или напасть на держащего оружие. Уолтер избрал третий, потому что первые два означали пулю в спину. Он нанес Грирсону слева короткий боковой удар в челюсть, который так помогал ему еще в далекие школьные годы.

Удар произвел почти такой же эффект, как и пуля крупного калибра. У парня подкосились колени, глаза стали пустыми. Одной рукой Дэвон забрал револьвер из его онемевших пальцев, а другой снова усадил Грирсона на стул. Затем он опять глянул на дверь, закрытую занавеской, – за ней никто не появился.

Опустив глаза, Уолтер провернул барабан кольта. Все пули были на месте. Не оставалось никаких сомнений в реальности заговора и хитрости мошенников, заранее разрядивших его револьвер.

Где-то в отдалении послышался голос миссис Пэрли. Наконец, негодующая, она показалась в дверях, толкая перед собой двух заспанных, зевающих мужчин.

– Если вы, сонные коровы, называете себя мужчинами, – кричала миссис Пэрли, – то идите и сделайте что-нибудь! Здесь же убивают, я сама слышала выстрел! Эй, что это? Мистер Дэвон, или я ошибаюсь?

Уолтер стоял за стулом Грирсона, засовывая кольт в карман. Он был довольно громоздким, но с удобной рукояткой. Спрятав револьвер в карман, Дэвон прижал его дуло к затылку Грирсона.

– Я беседовал с этим господином, – объяснил он. – Во время разговора хотел показать ему мой маленький револьвер, но его курок очень легко спускается. Прошу извинить меня за причиненный шум.

– И это все? – удивленно произнесла вдова. – Молодой человек, вы выглядите так, будто вам продырявили живот. Вы в порядке?

– Я? – едва слышно переспросил Грирсон. – Конечно, я в полном порядке.

– Идите обратно спать! – приказала миссис Пэрли двум своим защитникам, и те сонно повиновались. Подбоченясь, она приблизилась к Уолтеру и проговорила: – Не знаю, что тут у вас за игры, мистер Дэвон, но в этом доме не должно быть никакой стрельбы. Имейте это в виду. Я хорошо к вам отношусь, но хватит и пары убийств, чтобы у моего пансиона появилась плохая слава! – Сделав это мягкое предупреждение, миссис Пэрли тоже удалилась.

Грирсон медленно поднялся со стула и обнаружил, что дуло его собственного револьвера упирается ему прямо в живот. Он со стоном поднял руки вверх и пробормотал:

– Чего вы еще от меня хотите? У меня с собой нет больше ничего. Но где это вы научились такому удару слева? Уж не работали ли вы на ринге, ловкач?

Дэвон тщательно его обыскал. У парня не оказалось никакого другого оружия, если не считать рогатки, которая была прикреплена эластичной лентой к запястью, – при первой же необходимости, тряхнув рукой, ее можно было опустить до кончиков пальцев. Он забрал у него эту вещь, несмотря на протесты.

– Ну что она может значить? – жалобно проронил Грирсон.

– Пусть уж она лучше будет у меня, – возразил Дэвон. – Мне не хотелось бы доставлять тебе неприятности, Грирсон, но и эта штука очень хорошо умещается в моем кармане. – И с этими словами он увлек юношу в дальний угол комнаты, где их нельзя было увидеть ни из двери, ни из окна. Здесь усадил его на стул, встал перед ним, опершись спиной на стену, и заявил: – Грирсон, я никогда не видел тебя до сегодняшнего вечера.

– Да, – согласился тот. – Думаю, что не видели.

– Кто-то нанял тебя на эту работу?

Парень молчал, потупив взор, его приятное лицо было печально, он выглядел подавленным.

– Есть две возможности справиться с этим делом, – продолжил Дэвон. – Первая – передать тебя шерифу. А это значит, тебя посадят в тюрьму, где стены достаточно крепкие. Другая – отвести тебя в город и рассказать в любом салуне о том, что ты собирался тут со мной сделать.

– Что же, попытайтесь! – дерзко отозвался Грирсон. – Вы никому ничего не докажете!

– У меня в кармане сгорел порох, а на одежде нет ни одной дыры. По-моему, мой друг, это достаточно убедительно доказывает, что прежде, чем ты пришел меня убивать, кто-то вытащил зубы из моего оружия. Люди в этой части страны не имеют ничего против стрельбы, но только если она честная. Они ненавидят грязные убийства. И прекрасно знаю, как они к этому отнесутся, потому что я сам – житель Запада. Если выложу им то, что собираюсь сказать, они поверят мне, парень, вытащат тебя наружу и повесят на высоком дереве.

Во время этого спокойного монолога Грирсон постепенно бледнел. Он неловко откинулся на спинку стула и, все еще держась пальцами за поврежденную челюсть, выглядел все больше и больше обескураженным.

– Сам не знаю, как это получилось, – признался он наконец, больше себе, чем собеседнику. – Этот старый бандит прямо схватил меня за брюки. Боже, никогда со мной такого не было! – И вдруг снова вспылал яростью: – А вы были бы сейчас в аду, если бы вам не повезло!

– Охотно верю тебе, – сказал Дэвон. – И сожалею, что удача отвернулась от тебя, что твои брюки порваны и все такое. Однако хочу знать, как зовут того человека, который нанял тебя, чтобы проделать эту работу?

– Никто меня не нанимал, – буркнул Грирсон.

- Это последнее слово?

- Да, и будьте вы прокляты!

- Тогда поднимайся, - скомандовал Дэвон. - И иди впереди меня! Сейчас я отведу тебя в город, приятель, и подробно расскажу ребятам все, что ты наделал.

- Я не хочу идти, - пробормотал Грирсон с каким-то детским упрямством.

Но Дэвон улыбнулся, и парень вскочил на ноги.

- О Боже! - простонал он. - Вы хотите убить меня и вам все равно!

- Это не убийство, когда избавляются от таких, как ты, - разъяснил ему Дэвон. - Это поступок во имя общественного спасения, все равно что следить за тем, чтобы на улицах было чисто. Грирсон, мое слово твердое. Если скажешь мне правду, ты свободен!

Молодой человек поднял руку и медленно, словно опасаясь, что этот жест может быть неправильно истолкован, расстегнул воротник. Потом снова уставился в пол, как человек, потерявший всякое самообладание.

- Так чего вы хотите? - хрипло спросил он.

- Прежде всего получить имя человека, который копался с моим револьвером.

- Я не знаю, - ответил Грирсон. - На него работают человек двадцать. Любой из них может проделать такой трюк прямо у вас на глазах, и никто никогда не догадается, даже столь крутой парень, как вы. - Он презрительно усмехнулся.

- Ну ладно, оставим это, - согласился Дэвон. - А кто нанял тебя?

Грирсон заморгал:

- Он схватил меня на лету, как бекаса, и попутал...

– Лучше летать, как бекас, нежели быть повешенным. Как думаешь?

Грирсон облизал губы. Потом поднял горящий взгляд на своего захватчика...

– О, они сделают это! Боже, на прошлой неделе я видел, как они вздернули мексиканца. Даже не раздумывали! – Неожиданно его пробрала дрожь, и он вдруг воскликнул: – Послушайте, вы думаете, что хотите знать. Но вам совсем не стоит знать всего. Если бы вы знали все, то поняли бы, что находитесь в гораздо более тяжелом положении, чем можете догадываться!

– Я всю жизнь испытываю судьбу, это всего лишь еще один случай, – спокойно отозвался Дэвон.

Грирсон закрыл глаза, сжал зубы, а потом взорвался:

– Да хватит вам! Это большой человек, может быть, главный хозяин!

– Что за главный хозяин?

– Ну, кого же я могу иметь в виду, как не самого главного хозяина в этом городе? Это тот старый, жирный тип, кто же еще! – Он проговорил эти слова едва ли не шепотом, выпучив глаза.

– Я все еще ничего не понял, – признался Дэвон.

Его собеседник сделал жест, выражающий крайнюю степень отвращения. Затем подошел поближе, наклонился и напрягся. Такое лицо, каким было его, бывает у человека, который кричит против ветра, однако до Дэвона донесся только еле слышный шепот:

– Берчард!

Глава 4

Игрок показывает ловкость

- Берчард? Владелец игорного дома «Палас»? Ты его имеешь в виду?

Грирсон оглянулся по сторонам, будто его преследуют тигры.

- Почему бы вам не написать обо всем этом в газетах? - прорычал он. - Черт побери, делайте что хотите, но только попробуйте кричать об этом на весь город, как вас сразу же уберут.

- Берчард? Берчард? - повторил Дэвон. - Святые Небеса, это невозможно! Я же даже не видел его ни разу в жизни!

- Неправда, - горячо возразил Грирсон. - Он хочет купить вашу землю, а вы не хотите ее продать!

- Не хочу продать? Берчарду? Он никогда не предлагал мне такого. Никто, кроме Уилльямса...

- Ну вот, Кленси Уилльямс не кто иной, как подручный Берчарда! - заверил молодой человек.

- Уилльямс? Он что, работает на Берчарда?

- Я все выложил и больше не скажу ни слова, - был ответ. - Если вас это не устраивает, ну что ж, нарушайте свое слово и тащите меня на виселицу.

- Ладно, - сказал Дэвон. - Ты сообщил мне то, что я хотел знать. Доброй ночи, Грирсон! Отложим дальнейшее, скажем, на завтра! - Он сердечно улыбнулся и дотронулся до револьвера.

Грирсон встал и осторожно попятился из комнаты. Пару раз он остановился, крепко сжимая кулаки, будто раздумывая, не броситься ли ему на своего победителя. Затем рывком распахнул дверь и выскочил на улицу.

Дэвон поднялся к себе, запер дверь, разложил на подоконнике в ряд оловянные гвоздики, лег в постель и заснул как моряк, глубоко, без сновидений.

На десять утра у него была назначена встреча с Кленси Уилльямсом в «Двух ангелах». После завтрака еще оставалось свободное время. Дэвон пристегнул кобуру под левую руку, в нее вложил длинноствольный кольт и пошел в лес потренироваться, неожиданно стреляя направо и налево, по отблескам света на деревьях, по пням и камням. Затем подсчитал число промахов и попаданий.

– Я стал медленным, как старая жирная собака, – подвел итог Уолтер. – Иду, как сквозь туман!

Прежде чем вернуться в город, он задержался на опушке леса. Даже в этот час ближние склоны горы Тимбэл местами были покрыты голубым туманом, но более низкие вершины по сторонам пропускали в долину яркий утренний свет.

Городок Уэст-Лондон представился ему видением, которое может уйти вместе с туманом со склонов Тимбэл, потому что у него была еще очень свежа память о том времени, когда на этом месте не было вообще никакой улицы.

И снова, может в тысячный раз, он задал себе вопрос: что же заставляет Берчарда вот так отчаянно добиваться заполнения этой земли, что даже малейшая задержка ее продажи толкнула владельца салуна и приисков на убийство? Но поскольку он не мог найти удовлетворительного ответа, ему оставалось только спуститься вниз и направиться в «Два ангела».

В баре Дэвон застал Кленси Уилльямса, длинного и тощего, с мрачным взглядом и волчьей ухмылкой. Войдя, Уолтер без всяких предисловий заявил:

– Я узнал, Уилльямс, что вы покупаете для Берчарда? Это так?

Мистер Уилльямс разлепил губы, чтобы ответить, но потом, кажется, передумал. Какое-то время он молча смотрел на Дэвона, разинув рот, затем пробормотал:

– Не имеет значения, для кого я покупаю. Я предлагаю цену, и вот у меня для вас деньги. Что, этого не достаточно?

– А у меня с собой все бумаги, приготовленные для подписи, можем приступать.

– Хорошо, – приободрился Уилльямс. – Так-то лучше! А то мне показалось, что вы хотите затянуть дело. Рад, что вы не стали этого делать. Рад за вас, молодой человек. Это в последний раз в жизни вам предлагают пятнадцать тысяч за такой участок земли.

– А что? Прекрасный, большой участок, – напомнил Дэвон. – Почти тысяча акров замечательного пастбища.

– Замечательного? – едко отозвался Уилльямс. – Летом там коровы сгорают от жары, а зимой отмораживают рога.

– Ну да, а когда Уэст-Лондон распространится за отрог горы, вы продадите этот участок за...

– Мистер Дэвон! – холодно прервал его Уилльямс. – Вы что, разыгрываете меня? Вы понимаете, что между городом и вашим участком можно разместить целый Чикаго?

– И все же по-прежнему не думаю, что пятнадцать тысяч достаточная цена.

– Так я и предполагал! – произнес Уилльямс своим обычным холодным тоном. – Но это все, что вы можете от меня получить. Можете брать деньги или не брать, молодой человек, и до свидания!

– Хорошо, – сказал Дэвон. – Считайте, что мы договорились. – Он вытащил из внутреннего кармана куртки документы и разложил их на стойке бара. – Они в полном порядке, не хватает только подписи.

– Отлично! – обрадовался Уилльямс. – Давайте подпишем и покончим с этим. У меня на сегодня еще есть работа.

– Это не отнимет у вас много времени, – спокойно заявил Дэвон, сложил бумаги и разорвал их сначала вдоль, а потом поперек. Ключи бросил в угол.

– Что это за штучки? – вскипел Уилльямс. – Что это вы вытворяете? Думаете такими трюками и уловками набить цену? Ничего у вас не выйдет, молодой человек!

– Идите к тому, кто вас нанял, – посоветовал Дэвон, – и расскажите ему, что я сделал.

Головы всех находящихся в баре поднялись и повернулись к ним, люди смотрели на них широко раскрытыми глазами. Это и было как раз то, чего добивался Дэвон, поэтому и не понижал голоса.

– Будьте уверены, скажу, что я имел дело с дураком, – прорычал Кленси Уилльямс, сжимая огромные кулаки.

Дэвон улыбнулся ему, и внезапно Кленси Уилльямс заморгал, начал пятиться задом вдоль стойки, будто увидел змею.

– Передайте Берчарду, что я сам к нему зайду сегодня же до конца дня! – прокричал ему вдогонку Дэвон. – А еще скажите, кроме всего прочего, что если я вдруг исчезну, то люди Уэст-Лондона зададут ему вопросы о том, что со мной случилось! Вы поняли?

Кленси Уилльямс кинул на него последний кривой волчий взгляд, протиснулся к боковой двери салуна и исчез. Победа была на стороне Дэвона, хотя он не очень был в этом уверен. Все зависело от того, как дальше пойдет эта странная игра, а он вовсе не был убежден, что у него на руках хорошие карты.

Глава 5

Намек от шерифа

Дэвон сильно сожалел лишь о том, что ему пришлось привлечь к этому делу внимание окружающих, потому что в его бизнесе ничего не было так полезно, как неясность, и ничто не снижало его выгод и не увеличивало риск, как известность.

И все же в данном случае для широкой огласки были две серьезные причины. Во-первых, таким образом он, как говорится, защищал свой тыл, а во-вторых, даже такой влиятельный человек, как Берчард, может быть остановлен, если будет

знать, что общественное мнение против него.

Когда Кленси Уилльямс ушел, на Дэвоне остановился не один внимательный взгляд, но он ни с кем не стал разговаривать, потому что знал, что чем меньше скажет, тем с большим доверием к нему будут относиться люди. Он заказал всем выпивку и ушел, едва прикоснувшись к своей.

Следующий визит был к шерифу.

Офис шерифа Нэксона размещался в небольшой хибарке, чуть в стороне от улицы. Тут же его супруга вела хозяйство и росли два нескладных сына, таких же худых и долговязых, как и их отец, с такими же унылыми лицами и тусклыми глазами.

Шериф Нэксон сидел на изгороди своего небольшого загона и рассматривал находящуюся в нем лошадь. Заметив Дэвона, он кивнул ему с небрежной учтивостью, свойственной жителям Запада, и спросил:

– Вы когда-нибудь видели такую клячу, приятель?

Дэвон оперся локтями на верхнюю жердь изгороди. Лошадка, которую его приглашали покритиковать, была толстопузым, большеголовым созданием с тонкой шеей.

– У нее четыре ноги, – уклончиво заметил Дэвон.

– Четыре, – согласился унылый шериф, – но что это за ноги, вы можете сказать?

– Я не могу рассмотреть костей, потому что на ногах слишком много шерсти, – отозвался Дэвон.

– Вот! – воскликнул шериф. – Вот и я говорю то же самое. А что вы можете сказать о таком множестве волос на ногах лошади?

– Не знаю. Полагаю, наверное, зимой ей тепло...

- Э-э, и я так думаю. - Помолчав, шериф подытожил свои размышления: - Это самая выдающаяся лошадь, которую вы когда-нибудь видели.

- В самом деле?

- Да, в самом деле. Но вот чего я никак не могу понять - это и на самом деле лошадь?

- Не думаю, что это мул, - удивился Дэвон, готовый улыбнуться. - Судя по углам, нет.

- Но у нее серая морда, как у мула, - возразил шериф. - Ведь бывают короткоухие мулы.

- Думаю, бывают.

- Если бы увидели ее в горах, то подумали бы, что это козел.

- Она так твердо стоит на ногах?

- Что угодно другое, но на ногах держится уверенно. Если я направлю ее на этот забор, она может сбить его, но никогда не упадет!

- Ах! - вежливо откликнулся Дэвон.

- Очень любит ходить по самому краю обрыва, - продолжал шериф. - И съезжать по крутому склону высотой в сто футов. Это доставляет ей радость.

- О, это же очень ценные качества!

- Очень ценные.

- А она может скакать? Каждый мустанг может.

- Скакать не может, - ответил шериф. - Не умеет развить большой скорости, но когда набирает свой темп, может поддерживать его хоть целый день. Тогда она

думает, что как птица плавает в воздухе и вам все равно, ехать на ней вверх или вниз по склону. Для Монти это не имеет значения.

- Вы продаете ее? - поинтересовался Дэвон.

Шериф серьезно посмотрел на Дэвона:

- А вам нужна лошадь?

- Не совсем так, - замялся Дэвон. - У меня есть лошадь, которая меня вполне устраивает. Но эту вы продаете?

Нэксон вздохнул и, прикрыв глаза, сообщил:

- Три раза! Три раза я пытался ее продать и каждый раз выходил из себя, потому что никто не захотел с ней связываться.

- А что в ней плохого?

- Заскоки. У нее полно заскоков. Их невозможно выправить, как нельзя прогладить утюгом кудрявые волосы, могу поклясться.

- Может быть, так бывает только по утрам? - предположил Дэвон. - Многие хорошие лошадки нуждаются в том, чтобы их разогрели.

- Для нее время суток ничего не значит, - объяснил шериф. - Любое одинаково. Но вот места значат гораздо больше. Если она идет по краю крутого обрыва, где нельзя поставить две ноги сразу, то это для нее просто пара пустяков. И если вы заведете ее на верх крутого склона и пустите вниз со скоростью шестьдесят миль в минуту, то это будет как раз то место, где она себя покажет. Потому что будет представлять себя птицей и начнет демонстрировать, как легко передвигается, будто по воздуху. - Шериф вздохнул и, горько покачав головой, поделился: - Я даже поседел с тех пор, как у меня эта лошадь.

- И как долго она у вас? - любопытствовал Дэвон.

- Да уж скоро двенадцать лет.

Дэвон подавил улыбку:

– И она ни разу не пригодилась вам или вы ей?

– Мы не подходим друг другу, – мрачно заявил Нэксон. – Не можем быть вместе. У нас разные вкусы. Не то чтобы она хоть раз сбросила меня. Нет, но во всем мире не найдется такого умельца, который не уступил бы ей дорогу, когда она упрется носом в хвост его лошади. Его лошадь все равно останется позади, и не важно, какой она породы – испанской или чистокровной английской, ей все равно. Но она и я – мы не подходим друг другу. Мы не... как это говорят на суде, когда разводятся? Забыл это выражение. Вот почему я все время жду, может быть, найдется кто-нибудь, кто захочет купить эту старую лошадь?

– Какой-нибудь конокрад или угонщик скота, конечно, может купить, – предположил Дэвон. – Им нужны такие лошади, чтобы перегонять их в другой конец страны.

– Вот я и хочу найти такого конокрада или угонщика скота. И не стану продавать ему эту лошадь. Просто подарю ему мою Монти и пожелаю никогда не оказаться в тюрьме, потому что страдания, которые он испытает, сев на нее верхом, не могут сравниться ни с какой тюрьмой. А может быть, вы пришли, чтобы нарисовать ее? – вежливо осведомился Нэксон.

– Я пришел совсем по другому поводу, – признался Дэвон. – Пришел сказать вам, шериф, что Берчард собирается содрать с меня скальп. – Он подождал, чтобы эта бомба произвела нужный эффект, но шериф только кивнул и улыбнулся так, будто давно ожидал такого заявления на основателя Уэст-Лондона. – Дело в том, – добавил Дэвон, – что если что-нибудь случится, то я хотел бы, чтобы вам было известно – Берчард именно тот человек, с которым следует поговорить.

– Ну конечно! – откликнулся шериф. – Я знаю его уже давно, он никогда не возражает, если я захожу к нему немного поболтать.

– А я вообще его никогда не видел, – признался Дэвон. – Он из тех, кто может убить, шериф?

– Ну что вы, сэр! Конечно нет. Я могу угадать грабителя, карманника, вора-домушника, потому что узнаю их по приметам. Но убийцы – это все равно что игроки в бейсбол. Они могут быть толстыми, тонкими, высокими, низкими, молодыми или старыми. Вы же не можете сказать по виду, какой из них возьмет базу. Вот так же нельзя различить по внешнему виду, какой человек собирается совершить убийство. Поэтому никак не могу вам помочь, приятель.

– Но вы знаете Берчарда?

– Его? О да! Берчард мой лучший друг!

– О Боже! – вырвалось у Дэвона.

– Не осуждайте меня, – попросил худой печальный шериф. – Я не делаю никаких предположений. Я только слуга наших людей, меня наняли, мне регулярно платят, больше меня ничего не касается. Благодарю вас.

– Тогда я пойду и сейчас же сам поговорю с Берчардом.

– У вас есть с собой оружие?

– Да.

– Тогда ладно, – разрешил Нэксон, – потому что оно может вам понадобится. Имейте в виду: завалив Берчарда, вам повезет, если вы сумеете отстреляться от его людей.

Глава 6

В логове льва

Этот разговор убедил Дэвона, что шериф оригинальная личность и, может быть, честный человек, но его жизненный опыт таков, что он не намерен делиться своими мыслями с другими.

И тем не менее уверенность, с которой Дэвон воспринял информацию о Берчарде от Грирсона, теперь серьезно поколебалась. Шериф назвал его своим лучшим другом, и если он откровенен, это предвещает владельцу игорного дома хорошую выгоду.

Он тут же пошел в «Палас», чтобы поговорить с Берчардом напрямик. Тот завтракал, хотя было уже одиннадцать утра. Он сидел как бы в нагруднике, потому что салфетка была заткнута не только за воротник, но и за жилетку под мышками.

Берчард вообще походил на ребенка не только из-за этого нагрудника. Это был лысый шестидесятилетний мужчина, на розовом черепе которого торчал только один светлый клочок волос, что еще более усиливало его сходство с малышом. Его тело тоже было кругленьким, как у младенца, ноги казались короткими, кривыми и бесполезными, а на пухлых руках между кистью и предплечьем виднелись ямочки.

Но самое главное, на его лице не появилось ни одной морщины, и оно было таким розовым, что казалось, даже малейшее движение воздуха может вызвать раздражение этой нежной кожи. При выражении любых эмоций – от смеха до глубокой задумчивости, жирные щеки Лэса закрывали глаза, и было трудно сказать, плачет он или улыбается.

Берчард только что расправился с тарелкой отбивных и перешел к бифштексам из оленины, которые принес китаец-официант. Он же открыл большой деревянный поднос, на котором горкой возвышались исходящие паром сдобные булочки, невесомые, как пена, и покрытые хрустящей коричневой корочкой.

Владелец «Паласа» смело атаковал эти яства и, не переставая есть, весело посмотрел на Дэвона, как бы приглашая его подивиться столь чудовищному аппетиту, а может быть, и позавидовать таким обильным средствам его удовлетворения.

– Садитесь, приятель, – прошамкал он полным ртом. – Сейчас вам, может быть, немного рано обедать, но если вы поможете мне с вот этими оленьими бифштексами, я буду рад. Присядьте и поработайте вместе со мной.

Дэвон поблагодарил и объяснил, что уже позавтракал. А до ленча ему еще далеко.

– Ах, просто беда с тем, как живет народ, – заявил Берчард. – Установили время для всего. Время ложиться спать, время вставать, время работать, время есть... Но это же неестественно, как ни посмотреть.

– А как вы поступаете? – любопытно спросил удивленный Дэвон.

Толстяк разрезал горячую булочку, намазал куски желтым маслом и положил между ними добрый кусок оленины, политый соком. Получился сандвич такой толщины, что у Дэвона свело челюсти. А Берчард держал этот кусочек и улыбался, его глаза совсем исчезли, это была просто улыбающаяся маска радости жизни.

– Время спать – это когда вы устали, время играть – это когда вам станет скучно, работать – когда вы должны это делать, а когда вы голодны – время есть. Я ем шесть раз в день, и каждый раз за двоих. Выкуриваю одну за другой десять сигар, но могу прожить неделю, совсем не пробуя табака. Вот почему я так молод, приятель, так молод и нежен, что меня любят девушки.

Он рассмеялся. Его смех неожиданно оказался тихим и сдержанным, будто Лэс остерегался слишком растрясти свое грузное тело. Потом его рот расширился с легкой гибкостью, и огромный сандвич исчез в нем в два приема без особых видимых усилий. Прожевав все это, он заглотил полпинты кофе.

– Мне не хотелось беспокоить вас, – сказал Дэвон, – но если бы я мог прервать ваш ленч на пять минут...

– Не делайте этого! – попросил Берчард. – Не прерывайте того, что вы называли ленчем. Можете говорить со мной, сколько захотите, я вас прекрасно слышу. Еда открывает мои уши, и мозги работают хорошо. При этом я могу больше понять, приятель. Поэтому говорите, что вам нужно, но не прерывайте мою еду!

Дэвон спросил:

– Кленси Уилльямс работает на вас?

– Временами да, временами нет, – ответил толстяк, продолжая атаку на булочки и оленину. – Какую работу вы имеете в виду?

– Он для вас покупал у меня ранчо? Мое имя – Дэвон.

– О, так вы Дэвон! Сын старого Джека Дэвона, верно? Ну не странная ли это вещь? Я что-то заметил в вас, когда вы вошли. Даже сказал себе, что видел вас раньше. И вроде бы встретил старого Джека Дэвона, которого уже нет с нами столько лет. Эй! Как бежит время! Да, Уильямс просил вас уступить мне эту землю. Здесь, в Уэст-Лондоне, у меня много собственности. Но едва ли найдется место для жирного человека, чтобы расставить локти, так быстро строится этот город. Я тоскую по той земле за холмами. Мы со стариком Джеком Дэвоном любили там жарить форель на костре, так что я все знаю о вашем участке, сынок!

Дэвон кивнул:

– Дело в том, что я знаю, как сильно вы желаете заполучить эту землю, и как только вышла небольшая задержка с бумагами, вы тут же решили убрать меня с дороги.

– Убить, хотите сказать? Ликвидировать? – уточнил толстяк, не прерывая еды.

– Да, именно так.

Берчард, выражая неодобрение, прокудахтал:

– Откуда вы это взяли?

– Так мне объяснили с помощью большого кольца, – пояснил Дэвон. – А к таким вещам большинство людей относится серьезно.

– Да нет же! – бесстрастным тоном отмахнулся Берчард. – Как-то в баре я видел шестнадцать человек с поднятыми над головой руками. И каждый из этих шестнадцати потом клялся, что человек с кольцом целился прямо в него. – Он тихо рассмеялся.

– Итак, что, если мы вернемся к моему маленькому делу? – произнес Дэвон более твердым голосом.

– Да-да, вернемся. Так почему это я должен хотеть убить вас из-за вашей земли, сынок? Я не занимаюсь убийствами. Мне это просто не надо. Если дело дойдет до перестрелки, то меня очень много – я представляю собой удобную мишень.

– Ладно, покончим с этим, – предложил Дэвон. – Я не хотел давать делу ход, но, с другой стороны, не хотелось бы иметь о вас неправильное представление.

– Вот это верно! – согласился толстяк. – Я всегда предпочитал лошадь, которая брыкается по утрам, зато весь день ведет себя спокойно. Вот теперь вы пришли, поговорили со мной, представились, прямо как бы от вашего отца... Знаете, что я вам скажу? Любой человек рассмеялся бы, если бы услышал, что о Лэсе Берчарде говорят такие вещи. Вы хотя бы можете мне сказать, кто заронил в вашу голову подобную мысль?

– Этого я не могу сказать.

– А почему?

– Потому что если он врет, а я надеюсь, что это так и есть, то через самое короткое время я узнаю об этом. А если не врет, его убьют за то, что он сказал мне.

– Ну-ну! – проямлил толстяк. – Это верно, верно! Но теперь надо все логично обдумать. Ты, может быть, хочешь заняться законом? – И он посмотрел на юношу с нескрываемым восхищением.

Дэвон встал и покачал головой:

– Я занимался медициной.

– Хорошая профессия, очень хорошая профессия! – похвалил его Берчард. – Я тоже один раз был у доктора, когда заболел живот. И что, ты думаешь, он мне сказал? Ничего не есть пять дней! Я послушался его, и это помогло. Больше того, я с тех пор не раз постился ради того, чтобы как следует поесть в первый

раз после этого. Тебе надо идти, сынок? И даже не выпьешь чашечку кофе?

– Мне пора, – сказал Дэвон. – Мне кажется, мы стали друзьями, Берчард.

– Ну да, и твой отец был моим другом еще до тебя.

Рука игрока потонула в мягком, влажном рукопожатии Берчарда, и все-таки под этим мясом чувствовалась сила.

– До свидания, Берчард!

– Пока, доктор!

– Я оказался на распутье и занялся картами...

Берчард рассмеялся так, что затряслись его жирные бока:

– Ну, тогда успеха тебе в картах, но только не в моем игорном доме.

– Благодарю. Но прежде, чем я уйду, скажу вам, что хочу кое в чем разобраться. Если найду что-нибудь против вас, приду сюда и скажу вам это прямо в лицо. Идет?

– Конечно идет. Если хочешь поставить на мне клеймо, то делай это при дневном свете. – Берчард махнул своей розовой ладонью.

Дэвон вышел из комнаты. В холле он обнаружил двух хмурых мексиканцев. У одного из них был шрам на лице. Они сидели в горестном молчании порознь друг от друга и поодаль от всего мира. По какой-то непонятной причине Дэвон понял, что они здесь по распоряжению Берчарда.

Это как бы подвело итог его разговору с толстяком. Уолтер вышел на слепящий солнечный свет более задумчивым, чем был раньше.

Он пошел в платную конюшню и взял напрокат на остаток дня сильного гнедого мерина. Сейчас Дэвон был совершенно уверен, что Грирсон наврал ему, и все-

таки ему было трудно окончательно выбросить эту мысль. Если Грирсон лгал, то сделал это под влиянием каких-то особенно важных обстоятельств, потому что направленный на тебя револьвер почти всегда заставляет говорить правду.

Глава 7

Дэвон появляется неожиданно

Дэвон выехал из города и свернул в первую долину, которая спускалась крутыми поворотами на дно узкого ущелья, пылающего жаром, потому что солнце теперь стояло прямо над горой Тимбэл. Его лучи отражались от гладких, словно отполированных скал. Около «Паласа» склоны ущелья были покрыты лесом, но здесь, внизу, уже ничто не могло защитить от палящих лучей, жара была удушающей.

В разреженном горном воздухе слышались крики, звуки ударов молотков. Все это было похоже на сон и удивляло Дэвона. Посмотрев вниз, он увидел, как меняется цвет реки. В верхней части ущелья она была кристально чистой и почти голубой, а по мере того как приближалась к его дну, становилась все грязнее и темнее. Дэвон спустился ниже, в самое сердце ущелья. Шум голосов людей и звуки их работы здесь слышались все громче. Над ними гигантской громадой возвышалась гора. Он поднялся на следующий откос, позволив мерину сделать по нему несколько зигзагов. И вскоре шум голосов утих, стал не громче жужжания пчел.

На следующем гребне Дэвон снова оглянулся назад на кишашее людьми ущелье и на город Уэст-Лондон. И вдруг ему показалось, что он снова стал мальчиком, который еще никогда не покидал этих гор, а то, что только что увидел, – всего лишь призрак цивилизации.

Потом он начал спускаться по противоположному склону, который вел прямо к холмам его ранчо. Дэвон ехал по узкому проходу в высоких горах, когда-то промытому потоком. Сейчас здесь было сухо. Только когда таял снег, в лощинах, поросших темными ивами, стояла вода.

Эти вешние воды, да еще случайные летние ливни снабжали людей водой в жаркое время года. С этой целью лощины были очищены от травы, разделены на части, и вода собиралась в резервуары, где и стояла в неподвижности месяц за месяцем.

Дэвон посмотрел на них с легким чувством отвращения, потому что увидел на их краях зелень засохшего ила. Вот из-за этих резервуаров он и ушел отсюда еще совсем юным. Горы были хороши, с одиночеством тоже можно было справиться, но ужас от этой вонючей, застоявшейся воды проник в его сердце и погнал прочь, несмотря на протесты угрюмого отца.

Вскоре в лесистой долине Уолтер увидел свое ранчо – небольшую хижину с приземистым сараем и несколькими загонами. Деревья, которые могли бы защитить эти постройки от солнца, были вырублены, от них остались только пни. Все тут было по-прежнему: полоска вытоптанной лошадиными копытами земли, на шестах у входа развешанные для сушки шкуры койотов и рыжих рысей...

Неожиданно где-то далеко раздался звук, напоминающий выстрел пушки. Дэвон догадался, что это на шахтах взрывают заряды. Был уже полдень – первая смена заканчивала работу.

Продолжительное, слабое эхо еще замирало вдаль, когда он слез с лошади, привязал ее и, войдя в хижину, увидел Гарри и Джима. На всех пятидесяти квадратных милях округи их не знали под другими именами.

В славные старые дни бизонов и индейцев они были компаньонами Джека Дэвона. Тогда они все трое вместе охотились, выслеживали зверя, дрались с индейцами, снимали скальпы, прорывались сквозь опасности, стрельбу и торговцев виски, искали золото, пытались его добывать. Поэтому, когда Джек Дэвон обосновался на этом ранчо, считалось совершенно естественным, что Гарри и Джим могут приходить сюда и уходить отсюда, когда им заблагорассудится.

И они часто навевывались, приносили и дарили Дэвону шкурки, патроны, оружие. А если, случалось, являлись с пустыми руками, то это не имело никакого значения. Приезжая, Джим и Гарри ставили лошадей в сарай, если была плохая погода, или пускали их попасть, если было тепло, и вламывались в дом с

седлами, уздечками, которые вешали в комнате для умывания. Они приветствовали всю семью коротким «Привет!», даже если отсутствовали целых полгода, а потом присаживались и раскуривали трубки.

Мать Дэвона всегда ворчала, когда заявлялась эта пара. Они могли остаться здесь на день или на целую зиму, но, на сколько бы ни пожаловали, и пальцем не шевельнули, чтобы поколоть дрова, поухаживать за лошадьми или сделать еще что-нибудь полезное для дома. Лишь немного помогали Джеку Дэвону с коровами, и это было все.

– Они думают, что я скво?

– ворчала миссис Дэвон.

Но однажды рассказала сыну, как мимо проезжал бродяга и ворвался в хижину с ружьем наготове, а Гарри собственной персоной выкинул его вон, сломал ружье о колено и бросил его вслед разбойнику.

После смерти миссис Дэвон Джим и Гарри стали заезжать почаще. Возраст брал свое – их поездки стали давать меньше прибыли. А когда скончался Джек Дэвон, так и остались здесь, заботясь о все уменьшающемся стаде. Большая его часть была распродана мясникам в Уэст-Лондоне.

Остановившись на пороге, Уолтер Дэвон немного понаблюдал за ними с насмешливым огоньком в глазах. Джим, высокий, стройный, с седыми волосами и бело

С к в о – индианка.

снежной бородкой, был, как всегда, исполнен достоинства, только стал немного медлителен в движениях, которые у него раньше были по-кошачьи быстры.

Гарри стал на полфута ниже, чем в свои лучшие времена, немного согнулся в поясе, его громадные плечи чуть обвисли. Но большие старые руки были по-прежнему сильны.

Сейчас он хлопотал у печки, поднимая в воздух тучи золы, Джим с достоинством накрывал стол, расстелив на нем рваную красную скатерть. Оба продолжали работать, несмотря на то, что в проеме двери застыл Уолтер – возраст застлал им глаза.

Дуновение золы достигло носа Джима, он чихнул, и оловянные кружки рискованно зазвенели у него в руках.

– Если бы ты был в лагере, – сказал Джим, – то своим шумом разбудил бы всех на округности в десять миль. А у печи поднимаешь столько пыли, что можно задохнуться.

– Здесь тебе не индейский совет, – огрызнулся Гарри. – Готовь тесто для лепешек и заткнись.

– Лепешки уже готовы, – сообщил Джим.

Он вытащил их из шкафчика. От жары и времени они превратились в камень.

– Из этих лепешек можно построить дом, – заметил Гарри.

– Если и немножко суховаты, то очень полезны для твоего желудка, – парировал Джим. – Ничего, побольше поработаешь беззубыми челюстями, хоть поменьше будешь болтать.

– Хэлло! – громко произнес Дэвон.

От неожиданности оба старика быстро повернулись к нему. Гарри инстинктивно схватил кочергу с такой силой, что тяжелая железная палка задрожала, а рука Джима дернулась вниз, к револьверу. Но тут они рассмотрели визитера, и их лица расплылись в широких улыбках.

Глава 8

Противоречивые точки зрения

Старики оказали Дэвону самый радушный прием. Они редко его видели, Уолтер был далек от них по своим взглядам, и вообще принадлежал к другому поколению, но он был сыном Джека Дэвона, а поэтому не мог быть не прав!

Они усадили его на лучший стул, предложили табак для жевания и для трубки, а когда тот отказался, поторопились накормить.

На столе появился поджаренный на открытом огне кролик, чье мясо было таким нежным, что отставало от костей, только что испеченные кукурузные лепешки и благоухающий дикий мед, с которым их надлежало есть, сладкие дыни, выросшие на краях водяных резервуаров, в местах, отгороженных от скота.

Эти старики, когда хотели, вели себя как настоящие аристократы и своими изящными манерами могли бы сойти за королей. А когда после еды они закурили трубки, в жалкую маленькую хижину как бы ярким солнечным светом ворвались воспоминания о славных прошедших днях.

Когда Джим вышел за дровами, чтобы подогреть воду для мытья посуды, Дэвон произнес:

– А он выглядит таким же бодрым, как всегда.

– Джим как тростник, – возразил Гарри, покачав головой. – Как тростник, который потерял сердцевину и становится коричневым к концу года.

– Что ты хочешь этим сказать, Гарри?

– Я боюсь за Джима, – был ответ. – Теперь он уже не может ходить вверх и вниз по склонам холмов, как делал всего несколько лет назад. Он так изменился! Похоже, ощущает себя стариком куда больше, чем есть на самом деле, и я могу сказать тебе причину!

– Хотелось бы знать.

– Это недостаток образования, Уолт. Будь я проклят, если это не так. Конечно, книги – совсем не то, что можно иметь, когда живешь в прериях и каждое утро

взваливаешь на свои плечи груз с олениной. Но когда ты хоть немного оседаешь на месте, особенно на длинную зиму, вот тогда очень полезно заниматься образованием. Вот я, например, зимой только и делаю, что наслаждаюсь чтением.

– И что же ты читаешь, Гарри?

– Я очень аккуратно собираю газеты. Набрал их уже целый ящик. Вон тот! И в зимние вечера, когда я заканчиваю чистить и выделывать шкурки или делать что-то еще, прежде чем заснуть, читаю пару часов. А у Джима об этом нет никакого понятия. Он не знает, как провести время, и это о многом говорит. Только и может, что плести из конского волоса уздечки или веревки. А когда устает от этого, начинает рассказывать мне длинные истории, которые я уже много раз слышал!

Вернулся Джим, вода была поставлена на плиту, и тут со стороны загона послышалось громкое ржание.

– Опять эта чертова дикая лошадка! – забеспокоился Гарри. – Старается залезть в загон и потолковать с твоим мерином. Ну погоди, я сейчас вытяну ее жердью по ребрам! – Он быстро вскочил, что никак не вязалось с его возрастом, и вышел на улицу.

Старина Джим посмотрел вслед своему товарищу и покачал головой. Потом глубоким, чуть дрожащим мягким голосом поинтересовался:

– Ты не заметил, что случилось с бедным старым Гарри?

– А что? – удивился Дэвон.

– Не заметил в нем перемены?

– Совсем ничего не заметил. Мне кажется, он все тот же старина Гарри.

Джим задумчиво покачал головой:

– Ты не видишь его так близко изо дня в день. Поэтому и не замечаешь изменений. Но я-то их вижу! Вот посмотри, как он вскочил и выбежал наружу за лошадежкой. А я-то знавал дни, когда целое проклятое племя шайенов не могло ему испортить послеобеденную трубку. Гарри стал другим. Он уже собой не владеет.

– А в чем же причина, Джим?

Джим подошел поближе и понизил голос так, что его едва стало слышно:

– В том, что он потерял зубы. У него осталось их всего два, да и то один из них начал шататься. Просто не знаю, что будет с бедным старым Гарри. Это значит, за ним придется ухаживать, как за ребенком, мелко крошить ему пищу – это ему-то, который мог зубами разорвать ногу буйвола. Да, сэр, время бежит, мне с Гарри придется туго, когда настанут скверные времена и он совсем состарится! – Тут Джим увидел в заднюю дверь что-то такое, что его напугало, он подскочил к ней и закричал: – Гарри, ты, кривоногий хромым идиот! Оставь эту лошадку, слышишь?

– Я проучу ее, она у меня узнает! – услышался в отдалении бас Гарри. – Я ей покажу!

– Оставь эту лошадку! – еще громче заорал Джим и бросился к дверям.

Вскоре оба вернулись, продолжая разговаривать.

– А чья это лошадка? – спросил Джим.

– Черт меня побери, если я знаю, – ответил Гарри. – А ты знаешь?

– Нет. Я забыл, какая из двух в той упряжке была моей, но на днях, может быть, вспомню. Если окажется, что ты обижал мою лошадку, то жди неприятностей, приятель!

Тут оба старика увидели, что Дэвон стоит у таза для мытья посуды, и одновременно издали испуганный возглас.

– Вы только посмотрите! – воскликнул Гарри. – Мы там крутимся вокруг бессловесной лошадки, а сын Джека Дэвона возится с грязной посудой, как паршивая индейская скво!

Джим промолчал, схватил грязное кухонное полотенце и принялся вытирать миски.

Глава 9

Решительный ход Джима

– Эй! – пробормотал Гарри, выглянув в дверь и прикрыв рукой глаза. – Это не Стив Мелони едет вон там?

Джим тоже подошел к двери и выглянул наружу:

– Бедный старый Гарри, твои глаза, похоже, совсем сдают! Не видишь, что ли, что это человек того босса, Такера Винсента? Это Уэй. Я могу узнать его за пять миль по тому, как он косо сидит в седле!

Наконец всадник подъехал к хижине и слез с отделанного серебром мексиканского седла. Это был длиннолицый мужчина в годах, кричаще одетый в стиле мексиканского кабальеро в праздничный день, начиная от нарядной короткой куртки и кончая яркими украшениями на брюках. Звеня шпорами, он вошел в дом и сдвинул на затылок свое широкое сомбреро.

– Хэлло, Гарри и Джим! – Затем повернулся к Дэвону. – А вы – Уолт Дэвон, не так ли?

– Да.

– Мое имя – Уэй. Я приехал поговорить с вами по поручению Такера Винсента.

– Не знаю никакого Такера Винсента.

Мистер Уэй запнулся, закрыл рот, выпучил глаза, но наконец выговорил:

– Вы не знаете Такера Винсента?

В разговор вмешался Гарри:

– Уолт давно здесь не был. Он не очень-то знает людей из ущелья Тимбэл. – И, повернувшись к Дэвону, объяснил: – Такер Винсент каждый день отправляет мула, груженного золотом, которое добывается в скалах. Он так богат, что не знает, что делать со своими монетами. А этот Уэй – его помощник.

– Я работаю на Винсента в долине Стинсон, это пятьдесят миль отсюда.

– Я знаю долину Стинсон, – кивнул Дэвон.

– Когда Берчард сделал вам предложение, Винсента не было на месте, он пытался выследить конокрадов, а вернулся как раз вовремя, чтобы узнать хорошие новости. Винсент золотоискатель, который хорошо видит нужный цвет. И если уж что-то столбит, то это всегда то, что надо, скажу я вам! Он сделал столько денег, что мне, Дэвон, будет совсем нетрудно с вами разговаривать.

Игрок вновь кивнул. Так как солнце уже клонилось к западу, они вышли из дома и устроились в тени. Джим, большой ценитель лошадей, отошел, с неодобрением осмотрел следы шпор на боках мустанга Уэя.

– А что значат для меня деньги Винсента? – любопытно спросил Дэвон. – До тех пор, пока я не сяду с ним за игру в покер, они меня не интересуют, – откровенно добавил он.

На губах Уэя мелькнула короткая, почти дьявольская улыбка торжества.

– Это зависит от того, что я смогу выпросить у него для вас.

– Выпросить у него, для чего?

– За этот участок.

- Эй! - воскликнул Гарри.

- Ну да. Вот за эту землю, - повторил Уэй.

- Джим! - позвал Гарри. - Этот Уэй хочет купить нашу землю!

- Пойдите, - вмешался Джим. - Мы ничего не продаем. Здесь наш дом.

- Так и есть, - подтвердил Гарри. - Мы не из тех, кто продает крышу над своей головой.

- Ваш дом? - презрительно ухмыльнулся Уэй с внезапной злобностью. - Вы оба не имеете права даже на листик травы, растущей на этих холмах. Когда вы получили этот участок и заплатили ли хоть пенни за него или хотя бы за его часть? И как вы это можете подтвердить?

Гарри попытался прервать его злобную речь, но, махнув рукой, обратился к своему товарищу:

- Ну, Джим, подумай-ка об этом. Уэй прав, так?

Джим почесал в затылке.

- Конечно, земля принадлежит Уолту, - сказал он. - Но у нас тоже есть право на нее. Это ведь наш дом, я так понимаю?

- Эй! - произнес Гарри с сомнением в голосе. - А как это будет по закону?

- У вас нет ни одного паршивого дюйма! - заверил их Уэй.

- Здесь закон ни при чем, - вмешался Дэвон. - Конечно, они имеют право на эту землю!

Оба старика повернули к нему головы. Они не все понимали, но объяснять им было бесполезно.

– Что все это значит? – задал вопрос Уэй. – Вы передаете этим двум джентльменам право на свою землю?

– Определенно да, – отрезал Дэвон.

– Какого рода право?

– Равные права со мной.

– Вот это да! – выдохнул Гарри.

– Вы понимаете, что говорите? – поинтересовался Уэй, не скрывая злости.

– Полагаю, что да.

– Да нет! – возразил Уэй. – Думаю, что не понимаете, и я сейчас покажу вам, что это значит!

– Уолт, Уолт! – запротестовал Джим глубоким, но каким-то неуверенным голосом. – Это все прекрасно, что ты говоришь. Но, Боже милостивый, что мы можем заплатить, если ты берешь нас в долю?

Дэвон положил руку на худое плечо старика:

– Если бы мой отец был жив и оказался здесь, что бы он сказал? А моя кровь – это его кровь, Гарри и Джим. Итак, хватит разговоров!

– Да нет, тут есть о чем поговорить, – не унимался Уэй. – Я собираюсь сделать вам предложение, Дэвон. Я приехал сюда по поручению Винсента, чтобы купить эту землю прямо из ваших рук!

– Эй, вы слышали такое! – закричал Гарри. – Винсент хочет купить эту землю!

– Верно, – подтвердил Уэй. – И если вы имеете в ней долю, равную долю, то какую цену вы хотите получить? Назовите!

- Дайте подумать. Что скажешь, Джим?

- Здесь почти тысяча акров, - напомнил Джим.

- Что насчет десяти долларов за акр? - предложил Гарри.

- Тебе это подходит, Джим? - поинтересовался Дэвон.

- Я не продам, - коротко отрезал тот. - И никто из вас двоих тоже не продаст.

Уэй повернулся к нему, но, решив проверить его слова, все же обратился к Дэвону:

- Вы очень справедливо и благородно относитесь к этим двум пожилым людям. И вам приходится говорить и от их имени. Но когда дело касается бизнеса, полагаю, вы понимаете, что я не могу беседовать сразу с тремя людьми. Я предпочитаю вести переговоры с одним. И как раз вы имеете на это законное право.

- Очень хорошо. Какое ваше предложение? - откликнулся Дэвон.

- Они назвали десять тысяч.

- Они. Но не я. У меня есть лучшее предложение.

- Что, Берчард предложил вам больше?

- А вам известно, что он охотится за этим участком?

- Берчард теперь так велик, - усмехнулся Уэй, - что каждое его движение становится всеобщим достоянием. Мы знаем, что Берчард хочет заполучить этот участок по тем же причинам, что и Винсент!

- Не буду против узнать эту причину.

- Почему нет? Это не такой уж секрет. У Винсента есть мозги, так же как и у Берчарда. Но больше всего они любят вытеснять друг друга. У Берчарда заявка на ущелье Тимбэл, и Винсент выкачал оттуда немало денег! Так у них всегда!

- Но почему Винсенту захотелось иметь это старое ранчо?

- Потому что он считает, что Уэст-Лондон будет расти и расти. А это самая близкая к городу земля, пригодная для хозяйства. Здесь можно выкопать глубокие колодцы, разбить большой огород, чтобы снабжать Уэст-Лондон овощами. Это самое близкое место, чтобы разводить скот. Можно завести стадо коров и откармливать их для рынка Уэст-Лондона. Он сказал, что не пожалеет денег, чтобы заставить этот участок земли давать доход. У Винсента огромные планы, говорит, когда все будет сделано, это старое ранчо станет для него еще одним золотым прииском!

- И какова цена? - поинтересовался Дэвон.

- Кто-то тут сказал - десять тысяч, - напомнил Уэй. - Берчард предлагал вам больше? На сколько больше?

- На пять тысяч.

- Хорошо, тогда я могу предложить вам шестнадцать тысяч. Но не сделаю этого. Хочу выложить карты на стол. Винсент разрешил мне торговаться до двадцати пяти тысяч долларов, это - высшая цена. Я не буду пытаться купить землю за шестнадцать или восемнадцать тысяч, а начну сразу с нее. Предположим, я называю - двадцать пять тысяч долларов. Могу сказать Винсенту, что не смог сбить эту цену ни на цент. Я уже устал наблюдать, как он отхватывает себе львиную долю.

- Двадцать пять тысяч долларов! - пробормотал Гарри. - О, да ведь это целая куча денег!

- Это сто долларов чистого дохода в месяц, и не надо работать, - подхватил Уэй. - Вот как это много денег. Сто долларов в месяц на всю жизнь - и двадцать пять тысяч долларов еще остаются на черный день!

Пара минут прошла в молчании.

– Ну, Дэвон, – в нетерпении нарушил тишину Уэй. – Что вы раздумываете? Что может быть справедливее этого? Это – наивысшая цена!

– А что, если я сам хотел бы попытаться устроить ту же игру с овощами и говядиной?

– Вас ничего не может остановить, кроме отсутствия капитала, – был вежливый ответ. – Все, что задумал сделать Винсент с этой землей, обойдется ему в сорок пять тысяч долларов.

Дэвон прикрыл глаза. Он не был деловым человеком. Его сильной стороной была азартная игра за карточным столом, хотя конечно же Уолтер понимал, что земля может принести богатство. Но чтобы сделать большие деньги, нужно было тяжело трудиться. Это верно, что его земля – ближайший к Уэст-Лондону участок, пригодный для устройства фермы. Может быть, это соображение и заставило Берчарда подослать к нему убийцу. Главное – устранить его, а двух стариков, которые не имеют законных прав на землю, можно оставить на месте.

Двадцать пять тысяч долларов, даже если их разделить так, как он хотел бы это сделать, заметно увеличили бы его капитал. Это было втрое больше того, что он рассчитывал получить за полупустынные холмы.

– Да, хорошая цена, – сказал вслух.

– Хорошая цена? – воскликнул Уэй, глаза которого горели от нетерпения. – Я скажу вам, что это просто чертов грабеж такая цена! Такер Винсент делает большую глупость, предлагая такую сумму!

– Эй, похоже на то, – неожиданно согласился Гарри. – Я едва ли когда-нибудь слышал о такой здоровой куче денег. Да, Джим?

Джим помолчал немного, потом вынул трубку из пожелтевших зубов.

– Мы не собираемся продавать, – отрезал он.

Уэй пожал плечами:

- Старикан, по-моему, спятил. Ну а вы, Дэвон? К какому вы пришли выводу?

- Почему... - начал было Уолтер.

- Не надо никаких бумаг! Пожмем друг другу руки - и дело сделано! - предложил Уэй.

Джим вышел вперед и, встав между Дэвоном и помощником Винсента, заявил:

- Уэй, убирайтесь отсюда! Мы больше не хотим говорить с вами!

Глава 10

Предательский след

Старина Джим был так мягок в отношениях с людьми, не считая Гарри, что для Дэвона это грубое и обидное высказывание прозвучало как гром среди ясного неба. Сначала он просто не поверил своим ушам, но Джим повторил:

- Говорю еще раз. Убирайтесь отсюда! Мне не нравится ваш вид!

- Ты, чертова старая крыса! - закричал Уэй, и кровь бросилась ему в лицо. - Что ты...

- Поворачивайтесь! - приказал Джим, положив худую руку на рукоять кольца. - За всю мою жизнь со мною так никто не говорил. Поворачивайтесь и вон отсюда, а не то всажу пулю!

- Дэвон! - завопил Уэй. - Этот старый дурак испортит вам все дело, если вы будете позволять ему говорить со мной таким образом. У меня хватает терпения, но даже у самого глубокого колодца тоже есть дно!

Дэвон, удивленный, встал рядом с Джимом.

– Сожалею, – обратился он к Уэю, – но мы старые партнеры, и боюсь, будет так, как говорит Джим.

Побагровевшее лицо Уэя исказилось от злобы и негодования.

– Опомнитесь, приятель! Боже мой! Вы бросаете на ветер десять тысяч честных денег.

– А они как раз нечестные, – возразил Дэвон. – Из тех денег, что сделал Такер Винсент, нет ни одного честного пени. Это мне хорошо известно!

Уэй повернулся на каблуках, прошел к лошади, сел в седло.

Уолтер приблизился к нему:

– Мне жаль, что с вами обошлись грубовато. Очень жаль. Но Гарри и Джим значат для меня гораздо больше, чем деньги за эту землю.

– У вас был шанс. – Уэй в ярости покусывал губы. – Но что на это скажешь? Помоги, Боже, дураку, который сам не может о себе позаботиться. – Затем он рывком развернул лошадь и в бешеном темпе ускакал.

Тогда Гарри взял своего друга за руку:

– Джим, я не хотел бы задавать дурацких вопросов, и все-таки мне интересно знать, что все это значит? Ты говорил так, будто эта земля твоя. Почему, о Боже, Джим, ты так поступил, когда, казалось, был уже готов принять предложение, которое нам сделал Уолт?

– Я ничего не был готов принять, – пояснил Джим. – Я сделал это только для Уолта. Идите-ка сюда, вы оба! – И он прошел к коновязи. А когда Гарри и Дэвон приблизились, предложил: – Посмотри-ка сюда, Гарри, если твои несчастные старые глаза еще могут видеть на таком расстоянии.

– Это мои-то? Я совсем не такая слепая чурка, как ты! И даже если бы был таким, то все равно увидел бы этот след от подковы с перемычкой.

– Такой подковы, которую применяют, когда у лошади больна нога.

– Да, может быть.

– Ты видишь это, Уолт?

– Вижу, конечно.

– А теперь, Уолт, если ты посмотришь вон туда...

Глаз Дэвона, несомненно, был достаточно наметан, чтобы различить слабые следы на тропе, но этот выделялся особо – глубокий след лошадиной подковы с перемычкой между ее концами. И было это в том месте, где Уэй сегодня не проезжал.

– Точно такой же отпечаток? – заинтересовался он.

– Точно такой же, сынок! – подтвердил Джим.

– Но может быть, есть и другие лошади с такими же подковами?

– Такая болезнь ног появляется у лошадей, которых содержат в конюшне, вот таких, как шикарный мустанг Уэя. Здесь, в округе, не так уж много лошадей, которых держат в стойлах. Но когда Уэю нужна лошадь, то он делает все, чтобы она была хороша, не считаясь ни с чем.

– Не понимаю, почему этот отпечаток подковы так уж важен, – проговорил Дэвон. – Любой человек может проехать по нашей земле, если захочет.

– Конечно может, если пожелает поупражняться и полазить по нашим проклятым горам.

Гарри снял истрепанную фетровую шляпу, осторожно провел мозолистой рукой по голове и осторожно объяснил:

– За весь месяц был только один дождь. Пять дней назад. Он шел ночью. Полчаса сильного ливня – и все. А теперь наступи на эту землю.

Дэвон послушно сделал шаг.

– Твердая, верно?

– Как кирпич!

– Конечно, так и есть. Может лошадь оставить на ней такой след?

– Думаю, не может.

– Верно, Уолт, не может. Все равно что на камне. А теперь еще раз взгляни на этот след. Он прямо бросается в глаза.

– Да. Глубокий...

– Так вот, тот дождь начался к вечеру. Около девяти. Как раз когда мы ложились спать. Он громко стучал по крыше, и под этот шум я и задремал. Дождь вскоре перестал, как сказал Джим. Потом поднялся южный ветер и снова высушил землю, так что к утру поверхность снова стала твердой, такой, что каблуки не проникают в землю, когда ты идешь. Так вот, сынок, этот след был сделан, когда земля была еще мокрой. Посмотри, как легко лошадиное копыто вылезло из дырки, которое оно проделало! Это случилось во время дождя или прямо же после него. А это означает, что Уэй рыскал ночью вокруг нашего ранчо в темноте. Зачем? Куда он направлялся? Он ведь не заходил к нам той ночью!

Глава 11

Собирается толпа

Гарри первым оказался в седле, и пока Дэвон и Джим садились на лошадей, гарцевал короткими кругами вокруг них. Потом съехал чуть ли не к краю резервуара и поднялся вверх по откосу к своим друзьям с обеспокоенным видом.

- Зачем человеку приезжать сюда, разве только за грязью? - спросил он.

- А может, это какая-нибудь лечебная грязь? - предположил Джим. - От нее такой тяжелый запах, что, может быть, она на что-то и годится.

- Человеку не пристало валяться в грязи, как собаке, - заметил Гарри.

- Ну и тип! - проворчал Джим, обращаясь к Дэвону. - Я еще не видел такого, кто прочитал бы столько газет. А что такое грязевые ванны - не знает.

- Кто это будет принимать ванны в таком зеленом иле, как этот? - удивился Гарри. - Да еще там полно червяков!

- Уолт, я посмотрел на этот резервуар и понял, зачем сюда приезжал Уэй, - заявил Джим.

- Чтобы посидеть в грязи? - усмехнулся Дэвон. - Зачем? Он мог, если бы захотел, прийти и сидеть в ней у нас на глазах, сколько захочет.

- Вот ты смеешься, - упрекнул Джим. - А если это настоящая медицинская грязь, то она даст не меньше, чем прииск.

- Как это? - не понял Гарри.

- Народ повалит сюда толпой. Такер Винсент или Берчард построят здесь громадный отель и будут брать пять или шесть долларов за день. А за каждую грязевую ванну еще десять долларов. Быстро наворотят целую гору наличных!

- Если Уэй приезжал не ради грязевой ванны, - улыбнулся Дэвон, - то тогда зачем? Оба они, и Берчард и Винсент, - золотодобытчики. Станут ли они платить за грязь?

– Вполне понятно, что не будут, – сказал Джим. – Но здесь даже на самой высокой горе нет ни дюйма, который не был бы обследован старателями. И если один человек ходит здесь вокруг ранчо и исследует каждый скальный выход, то это ничего не значит, я видел сотни таких. В этих камнях нет золота, Уолт!

– Но если он приходил не за грязью и не за золотом, то что остается?

– Э, вот это мы и должны выяснить. Просто обязаны это узнать.

Старики направились обратно к хижине, где Дэвон и оставил их одних обсуждать все эти вопросы. Зачем Уэй проделал ту ночную экскурсию?

Возможно ли осуществить план, который, по слухам, замыслили Берчард и Винсент, а именно перегонять с севера более дешевый скот, откармливать его здесь и уже потом продавать в Уэст-Лондоне по более высокой цене?

А сам Дэвон поехал дальше. Он и не думал сообщать своим друзьям о том нападении, которому подвергся прошлой ночью. Но едва Уолтер успел преодолеть первую гряду холмов, как услышал позади себя стук копыт. Обернувшись, он увидел Гарри, скачущего вслед за ним на маленькой лошаденке, голова которой покорно качалась вверх-вниз под тяжестью ноши.

– Я забыл что-то, Гарри?

Старик смотрел на него блестящими глазами:

– Да, забыл. Забыл, что у каждого из них, как у Винсента, так и у Берчарда, гора свалится с плеч, если они отделаются от тебя!

– Так ты приехал меня оберегать?

– Может быть, я выгляжу слишком старым для этого, но все же еще могу различать вещи, которые появляются между мною и солнцем.

– Но ты бросил в хижине старого славного Джима, совсем одного...

– Это так, но кто-то должен позаботиться о ранчо, покараулить его. Если они попробуют сунуться в дом, когда там будет Джим, то для них это будет все равно как попасть в циклон. Он спит с заряженным ружьем под головой. – Гарри издал сдавленный смешок. – Они не посмеют тревожить Джима. Он стал как дикая кошка, будет драться зубами и когтями. Я поеду с тобой!

Дэвон понимал, что спорить с ним бесполезно. Старик все еще видел в нем мальчишку, с этим ничего нельзя было поделаться, и они рысцой потрусили бок о бок по направлению к Уэст-Лондону. И уже забрались на последний перед городом холм, как услышали позади себя из ущелья Тимбэл рев голосов, похожий на шум ветра, проносающегося над сосновым лесом. Потом увидели множество людей, поднимающихся по крутым извилистым тропинкам к городу.

– Похоже, забастовали. Уэст-Лондон сегодня ночью завоюет! – изрек Гарри.

Едва путники успели поставить лошадей в платную конюшню, как первые ряды толпы достигли города, как стремительный поток заполнили главную улицу и начали, бурля, растекаться по переулкам, выманивая клерков из магазинов и жителей из их домов.

Салуны были единственным препятствием, которое могло бы сдержать эту силу. И они уже были переполнены бурлящей, кричащей толпой. Качающиеся двери то и дело хлопали, словно крылья. Все толковали об одном – некий Том Фэган нашел настоящее месторождение золота. Ему попалась богатая жила, сулящая несметное богатство, если только быстро ее разработать.

А сам Том Фэган, находясь в салуне «Главный шанс», пригласил весь город на выпивку. Он закупил два бочонка виски, открыл их и поставил по обе стороны главной улицы. К каждому бочонку было приставлено по бармену, которые бесплатно угощали всех проходящих, давая каждому по полному черпаку огненной жидкости.

Другие бармены трудились в самом «Главном шансе», и каждый салун в городе был забит до самых дверей. Все пребывали в крайнем возбуждении. Старатели радовались, потому что всем было ясно, что ущелье Тимбэл таит неисчислимые возможности; те, кому пока не повезло, радовались по той же причине, а азартные игроки, мошенники, воры-карманники, грабители и социальные паразиты всех видов были счастливы подзаработать за счет тех, кому повезло.

Старина Гарри настоял, чтобы они с Дэвоном держались подальше от толпы. Потому что, сказал он, это как раз такая обстановка, когда запросто можно получить пулю в спину, а стрелявший останется незамеченным.

Глава 12

Сестра Счастливого Джека

Дэвон направился прямо в пансион миссис Пэрли и по дороге рассказал Гарри о нападении, которое было предпринято против него наемным убийцей. Слушая его, Гарри тербил жидкие усы. Потом громко хлопнул по рукоятке своего кольца.

– На твоём месте, Уолт, я бросил бы все и уехал, – посоветовал он. – Оставь меня и Джима посмотреть тут за всем, а сам уезжай, понял?

Дэвон отрицательно покачал головой:

– Деньги это ещё не все. Игра – вот это вещь! Я останусь и посмотрю, как пойдёт игра в карты.

– Эй! – возразил Гарри. – Хорошо, когда ты знаешь, какой колодой играешь.

– Ну почему же, – ответил Дэвон, – у них свои приемы, но они и не догадываются, что мы их подозреваем. Ты понимаешь, они не могут быть так уж уверены в нас. Если они заметят, что ты и Джим тоже участвуете в деле, тогда – прощай один из них. Кроме того, они будут действовать осторожно, потому что знают, что ты со мной в городе.

Такие лестные слова очень понравились старику. Они свернули к дому миссис Пэрли. Её бар, как и другие в Уэст-Лондоне, тоже был переполнен. Ещё от двери они увидели у стойки плотную шеренгу пьющих людей и услышали гул голосов – золотоискатели пели, смеялись и кричали, как моряки, только что ступившие на берег.

Миссис Пэрли заметила Дэвона и бросилась к нему из-за бара. Пот катился по ее лицу, когда она локтями пробивалась через толпу, чтобы пройти к игроку.

– Увидеть вас все равно что ангела! – пропела она. – Проходите. Я расскажу вам историю, которая поразит вас. Хэлло, Гарри! Ты тоже проходи. Мне нужен совет!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бауери – улица в Нью-Йорке, прибежище наркоманов и алкоголиков. (Здесь и далее примеч. перев.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/brend_maks/sled-v-uschel-e-timbel

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)